

— То-то. Да чтобы она впередъ имъ не давала, по родственному, безъ росписки. Она женщина расточительная...

„Фу ты, мерзость какая!—подумала Лена.—Все о деньгахъ, все о деньгахъ, какъ это противно! А о ней словно о вещи какой-нибудь разсуждаютъ. Господи, когда же это я уйду отсюда!“

И ей вдругъ такъ показались противны самодовольныя жующія лица отца, брата, матери, что она не вытерпѣла и, не дождавшись конца ужина, вышла изъ-за стола.

— Ты куда?—крикнулъ ей Антонъ Кирилычъ.

— Голова болить, не хочу ѣсть,—отрывисто отвѣчала Лена, не поворачиваясь.

— Экая невѣжа! могла хоть бы для приличія посидѣть,—напустился на нее отецъ. — Это что еще за порядки свои завела? Выходить изъ-за стола, когда всѣ сидятъ? Что здѣсь, свиной хлѣвъ, что ли? У меня чтобы въ другой разъ этого не было. Не хочешь ѣсть—и не садись. Никто не просить...

Лена не дослушала и вышла.

— Совсѣмъ дѣвка отъ рукъ отбилась,—обратился Антонъ Кирилычъ къ Володѣ. — Просто глядѣть на нее не могу. Косится на всѣхъ, молчитъ, дуется. Чего ей недостаетъ? не знаю. Хоть бы дуракъ какой за нее посватался,—съ радостью бы отдалъ.

Володя ничего на это не сказалъ, только какъ-то загадочно усмѣхнулся, но послѣ ужина, когда со стола все было убрано и Антонъ Кирилычъ докуривалъ свою послѣднюю трубку передъ сномъ, Володя обратился къ нему съ серьезнымъ лицомъ.

— Папаша, останьтесь на минуту со мною; мнѣ нужно съ вами поговорить. Подождите, я затворю двери...

Володя тщательно заглянулъ за двери, на балконъ и, удостовѣрившись, что никого нѣтъ по близости, вернулся къ отцу.

— Вотъ видите, я хотѣлъ поговорить съ вами насчетъ Лены,—началъ онъ.—Вы вотъ замѣчаете, что характеръ ея съ каждымъ днемъ портится: она груба, безтактна и способна на самыя безумныя выходки... Но мнѣ кажется, что она заимствуетъ все это отъ другихъ. Она еще дѣвочка; съ ней, съ одной, можно бы еще сладить и повернуть ее по своему; но въ томъ-то и дѣло, что за спиной ея дѣйствуетъ другой, болѣе сильный и взрослый человѣкъ. Ну вотъ, я договорился; вы, я думаю, догадываетесь, на кого я намекаю...

— Діодоръ?—быстро спросилъ Антонъ Кирилычъ, усиленно пыхтя трубкой и начиная чувствовать приливъ гнѣва.

— Ну да, конечно,—пониживъ голосъ, продолжалъ Володя.—Разумѣется, это онъ. Я долженъ вамъ сказать, что онъ очень